

УДК 930.22

**ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ РЕЛИКТЫ В ГРАМОТАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ:
ОБЩИЙ ЭСКИЗ СО СЛУЧАЕМ «КИШИНЕВ»**

Н.Д. Руссев

(Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

Пребывание части молдавских земель в составе Золотой Орды – история хорошо известная, но все еще недостаточно исследованная из-за нехватки данных, прежде всего в составе письменных документов. В статье сделана попытка расширить источниковую базу исследуемой проблематики путем обобщения сведений о татарах из грамот средневековой Молдавии. Автор показывает, что системное изучение содержания сотен сохранившихся памятников дипломатики дает возможность более полной реконструкции местных реалий золотоордынской эпохи. В частности, локализуются улусы отдельных предводителей Улуса Джучи, выясняются направления миграций и основные тенденции общественной трансформации татар в социально-политических условиях молдавской государственности. Анализ отмеченных в грамотах топонимов типа «Кишинев» проливает свет на характер адаптации уцелевшего населения правобережного Поднепровья под властью правителей Молдавии конца XIV – XV вв.

Ключевые слова: татары, татарские страны, молдавские грамоты, Бык, Кишинев, Старый Орхей, Тягянкячу, Кутлубуга, Деметрий.

Господство Золотой Орды в Карпато-Днестровских землях составляет целую эпоху, в существенной мере определившую будущую судьбу региона. К сожалению, этот период слабо освещен памятниками письменности XIII–XIV вв. Поэтому исследователям, занятым его изучением, часто приходится останавливаться в поисках новых источников информации.

Вместе с тем, следующий этап истории края (собственно молдавский) значительно лучше обеспечен письменными свидетельствами, в том числе содержащими достоверные характеристики предшествующего «татарского времени». Речь в первую очередь идет о множестве фактов, зафиксированных господарскими грамотами, касающихся главным образом поземельной собственности [35; 32, с. 108–111]. В данной статье хотелось бы обратить внимание на географические названия, оставленные реалиями державы Джучидов в пределах исторической Молдавии.

Хорошо известно, что население Улуса Джучи общалось в основном на половецком наречии, еще во второй половине XIV в. носившем в ее западных владениях название *lingua comaneca* [40, pp. 98–99, 107–108, 147, 193–194; 47, pp. 16, 22–23, 103–105, 175–177]. При этом «куманский язык» обслуживал население степей Восточной Европы еще до монгольского завоевания. И в более позднее время говоры здесь почти повсеместно оставались тюркскими, хотя назывались уже «*татарскими*».

Впрочем, особенность Земли Молдавской, уже в 1392 г. простиравшейся «от планины до моря» [42, p. 3. Nr. 2] в том, что тюркские народы участвовали в ее развитии многие сотни лет. По этой причине естественно сложившаяся тюркская топонимика края в своих конкретно-исторических проявлениях (теоретически от гуннов до нынешних гагаузов) многослойна, а для однозначного прочтения трудна. С этой точки зрения выбор молдавских документов (главным образом XV в.) вовсе не случаен, поскольку их данные представляют наиболее близкий золотоордынской действительности хронологический срез. Тем самым они максимально свободны от поздних напластований.

Топонимы тюркского происхождения, прежде всего, в восточной части Молдавии, вошедшей в 1812 г. в состав Российской империи, конечно, никогда не оставались без внимания. «Турецко-татарские» наименования отмечали военные топографы, историки, любители старины и краеведы. При этом попытки их научного объяснения неизбежно наталкивались на серьезные препятствия. Известный молдавский филолог Н.Д. Раевский, рассматривая хорошо известные в современной Молдавии географические названия, признавал, что не всегда может судить о них вполне определенно. Например, происхождение топонима «*Тигина*» сложно было прямо связать с тюркским или же иранским влиянием. Часто трудности возникали при датировке и локализации материала [28, п. 56–60].

Между тем, согласно А.И. Еремееву, основной фонд топонимии Молдавии составляет 1860 названий, из которых тюркские названия насчитывает всего 130 единиц – 7%, в то время как на молдавские и славянские приходится соответственно 57 и 29%. Однако в при районировании всей совокупности учтенных им данных оказалось, что тюркские названия концентрируются исключительно на юге, где их доля составляла более 32% [15, с. 19, 37. Табл. 1, 2]. Впрочем, на севере и в центре Республики Молдова все же отмечены единичные гидронимы, связываемые с печенегам и куманам-половцами. От них, по представлению исследователя, до сих пор сохранились наименования *Кахул, Ковурлуй, Кундук, Чухур, Чулук, Ялуг*; известное уже с X в. тюркское название Днестра – *Турла*. «По всей вероятности, куманы дали южной части Днестровско-Прутского междуречья название *Буджак*», – отметил автор. Топонимы, обозначающие крепости и во-

енный лагерь – *Аккерман, Бендер, Измаил, Отачь*, он связал с османами. Отмечены названия, образованные от этнонима *татар* – *Мовила-Тэтэряскэ, Татар-Копчак, Тэтарка, Тэтэреить* [15, с. 35]. Хотя в работе и указан большой вклад в тюркскую топонимику южных районов ногайских татар, массово заселивших Буджак со второй половины XVI в., четкие научные принципы хронологического разделения географических названий тюркского происхождения по слоям не прослеживаются. Похоже, взгляды из современной (тем более, советской) топонимической реальности Молдавии на прошлое такой возможности не давали, а статистический учет был далеко не полным.

Только к концу XX в. топонимика золотоордынского времени была осознана как один из наиболее мощных пластов тюркского наследия Молдавии. При этом продолжительность эпохи господства Улуса Джучи в Карпато-Днестровских землях была определена отрезком с 1241–1242 гг. до конца XIV – начала XV вв., то есть более 160 лет. Однако факт констатации проживания татар в Молдавском государстве до 1470 г. выглядит странным [14, с. 61]. Такое «удлинение» золотоордынской истории края выглядит некорректным. Во-первых, документы указывают, что татары сохранялись во владениях молдавских правителей и позднее. Во-вторых, эта особая общность и обитаемые ее представителями земли – уже качественно новое явление.

Следует иметь в виду, что научный подход к господарским грамотам как корпусу массовых источников давно успешно апробирован в исследованиях по средневековой истории. Однако П.В. Советов, которому принадлежит первое обобщение о татарах на актовом материале Молдавии [17, с. 100–101], топонимикой не занимался. Л.Л. Полевой, хотя и анализировал географические названия, рассматривал тюркские топонимы, бегло в числе многих других вопросов [25, с. 104, 106].

В целом ряде работ по истории бытует мнение, что еще в конце XIV – начале XV вв. соседями Молдавии на юге оставались татары. Сведения об этом, действительно, имеются, но не в молдавских, а в валашских грамотах. Речь идет о документах, выпущенных в правление Мирчи Старого (1386–1418), которому Валахия обязана своим выходом к устьям Дуная и побережью Черного моря. Это прямо следует из звучного титула господаря. Он провозглашает Мирчу великим воеводой и господином *«всей земли Угровлахии и заплянинским, еще же и к татарским странам и оба поля по всему Подунавью, даже и до Великого моря»* и в полном виде приведен в грамота от 6 августа 1413 г. [45, р. 197. Нг. 120]. Фраза *«татарские страны»* встречается в 7 документах, датированных 1391–1415 гг. По некоторым соображениям, их нужно искать в низовьях Дуная, к западу от его левого притока Сирета.

Первое упоминание *«татарских стран»* в 1391 г. признано сомнительным [41, pp. 349–355], но содержащие это определение ос-

тальные 6 грамот выпущены не ранее 1404 г. и сохранились в оригиналах. Они зафиксировали типичный для средневековья способ освоения новых земель, заключавшийся в неизменном сохранении местных структур, а также предусматривавший принятие новым господином традиционных для присоединяемых территорий титулов. Контекст, в котором названы «*татарские страны*» (да еще с предлогом «к») указывает, что Валахия ими не владела. Не приходится сомневаться, эти ордынские земли находились по соседству в придунайских степях, поскольку крупные кочевые улусы отмечены вблизи Килии еще в 1361 г. [47, р. 16, 22, 175]. Одной из таких стран вполне могла быть «земля» татарского князя Деметрия – «*domini Demetrii, principis Tartarorum; terra ipsius domini Demetrii*», о торговле купцов которого с брашовянами говорится в грамоте венгерского короля Людовика I (1342–1382) от 22 июня 1368 г. [45, р. 90. Nr. 49]. Данное предположение подтверждают редкие анэпиграфные монеты из меди, на аверсе которых изображен молдавский герб – голова тура, на реверсе – знак в виде тамги [48, pp. 133–136]. Их выпуск датирован первыми десятилетиями правления Александра Доброго (1400–1432) – примерно 1400–1418 гг. [31, с. 231].

В это время на востоке Молдавии татарские владения были уже отодвинуты за Днестр. Грамота о торговых привилегиях купцам из Львова 1408 г. предписывала «*тем, што идут до татар*», платить мытные пошлины «*на Тягнякячю*» [16, с. 40–41. № 1] – на месте современной Тигины-Бендер. Таким образом, последние «татарские страны» Карпато-Днестровских земель, по всей видимости, находившиеся вблизи дельты Дуная (в округе Килии?), вошли в состав Молдавии при Александре Добром.

Вместе с тем, актовый материал содержит сведения о татарских селениях и в районах, так или иначе инкорпорированных Молдавским государством. В частности, известно, что в 1436 г. господарь Ильяш пожаловал монастырю Нямц «*едно село на усти Немца татарское, на имя Темшиешти, а у том сели десять хыж татарских*» [42, р. 229–231. Nr. 164]. В этом пассаже отмечен очень редкий случай, когда населенный пункт прямо назван «татарским». Чаше об этническом облике поселения можно судить только по косвенным данным. Так, в 1411 г. Александр Добрый пожаловал Шолдану Петрову «*село на Шумузи, на имя Тамръташовци*», взяв из этого села «*пять дворы татар*» для монастыря св. Николая от Поляны. Это событие подтвердил в 1500 г. Стефан Великий [42, р. 42–45. от Поляны. Это событие подтвердил в 1500 г. Стефан Великий [42, р. 42–45. Nr. 30,31; 44, р. 462–463. Nr. 258]. Возможно, о татарском селе говорится и в грамоте 1425 г. Тогда пан Стрович «*за правую и верную службу*» получил от господаря Александра «*урик за Равасова села от Сочаве и от Жежиш и за татары, штобы они и их племя, за Равасова села и татар николи не упоминали, а и не говорили бы*

ништо, николи» [42, р. 88–89. Nr. 61]. По всей видимости, татарские села сохраняли собственные общинные организации. По крайней мере, в двух грамотах отмечены их главы: 1443 г. – «*Туля ватаман*»; 1462 г. – «*Иле ватаман*» [42, р. 322. Nr. 229; 43, р. 152. Nr. 107].

Кроме того, обращают на себя внимание села, содержащие в своем названии этноним. В 1398 г. упомянуто село «*Татарей*». В 1472 г. Стефан подтвердил Поянскому монастырю три села, в том числе «*Татарии*». В 1487 г. засвидетельствована продажа села «*на име Гътьреитии*» [42, р. 7–9. Nr. 6B; 43, р. 278. Nr. 187; 44, р. 2–4. Nr. 3].

Уже довольно давно в литературе было отмечено несколько неожиданное местоположение татарских селений: «*Темшеитии*» – уезд Нямец, «*Тамръташовци*» – в границах города Фэлтичень, уезд Сучава, «*Равасово село*» – уезд Сучава, «*Татарии*» – уезд Яшь, «*Гътьреитии*» – уезд Васлуй [25, с. 106]. Это районы, лежащие на северо-востоке страны ближе к Подкарпатыю (современная Румыния). Они в XIV в. составили ядро первоначальной Молдавии и находились за пределами земель, принадлежавших Золотой Орде. Другими словами, жители зафиксированных грамотами татарских селений XV в. состояли из людей, перемещенных властями с юго-востока.

По всей видимости, этот процесс отразила еще одна грамота Ильяша 1437 г. В этом документе говорится о выделении участка земли для основания нового села, который простирался «*до Манева хотаре татарского*» [42, р. 237, 474. Nr. 169]. Исходя из такой формулировки, эту татарскую границу, у современного города Тыргу Нямец, трудно отождествить с межой угодий селения Манево [25, р. 104]. Тем более, что о таком ни в одной грамоте не сказано ни слова. На мой взгляд, гораздо определеннее можно утверждать, что речь идет о лесостепном районе у реки Нямец, специально выделенном государством для компактного заселения татарами. Если это так, Маня мог быть человеком, который по поручению господаря выполнил работу землеустроителя, включавшую и разграничение участков. Документально зафиксировано, что боярин с таким именем входил в число советников Александра Доброго в 1401 г. [42, р. 19. Nr. 13]. Возможно, этот татарский анклав возник в конце XIV в. в ходе ликвидации Молдавией власти Золотой Орды на юго-востоке страны.

Показательно, что в 1445 г. Стефан II дал в собственность митрополиту холопа «*от наших татар от Немца*» [42, р. 367. Nr. 259]. Ту же формулу использовали и последующие правители: Александр II в 1453 г. и дважды в 1466 г. Стефан Великий [43, р. 40, 187, 196. Nr. 29, 132, 138]. Часть фразы – «*от Немца*» – не поддается однозначному толкованию, но она едва ли имеет в виду монастырь Нямец или город. Скорее всего, подразумевается река, называемая теперь Озана. Именно в ее устье и находилось татарское село Тем-

пешты, во всей видимости, как часть созданного в поречье Молдавским государством массива золотоордынского населения.

Между тем, в отличие от сел, татарские селища отмечены как раз на месте бывших владений Улуса Джучи. В топонимике молдавских грамот конца XIV – первой половины XV вв. отмечено всего 64 селища. Некоторые из них еще сохраняли свои старые имена, но большинство утратило их. Археологические данные свидетельствуют об исчезновении большого количества сел в середине XIV в., в основном в Кодрах между Прутом и Днестром, южной части междуречья Прута и Сирета, долинах Верхней Жижии и Бахлуя [25, с. 120. Табл. 2. Рис. 6].

Подавляющая часть селищ (53 из 64, или 82,8%) зафиксированы в землях, которыми владели золотоордынцы. Здесь в юго-восточной части страны, по всей вероятности, имели место главные военные столкновения, которые привели к вытеснению прежних правителей из страны.

Именно отсюда в 1370–80-х гг. происходил вынужденный отлив оседлого, в основном немолдавского населения. Эти люди оставили археологические памятники с так называемой «красно-желтой ленточной керамикой», преобладающей на сельских поселениях эпохи Золотой Орды на широком пространстве от Дуная вплоть до Северного Кавказа и Волги. Археологические раскопки на памятниках Костешты, Старый Орхей, Лозово открыли гончарные мастерские по производству названной неполивной посуды.

Предполагалось, что после разгрома этих сел одни люди укрылись в лиственных лесах возвышенностей Пруто-Днестровского междуречья, а множество других – угнали на восток отступавшие ордынцы. Кроме того, как считает Л.Л. Полевой, покинувшие свои селения беженцы могли пополнить население Восточного Подкарпатья [25, р. 121–122]. Это, на мой взгляд, подтверждает локализация «татарских сел» молдавского времени. Судя по всему, главную роль в их появлении сыграла новая государственная власть во главе с господарем, резиденция которого находилась в Сучаве.

Если говорить о селищах, прямо называемых «татарскими», то их немного. «*Татарская селишта*» на реке Бык фигурирует в грамоте от 17 июля 1436 г., выданной господарями-братьями Ильяшем и Стефаном II [42, р. 218–220. Nr. 158]. Теперь это в пределах столицы Молдовы, Кишинева; возможно на в районе бывшего пригорода Вестерничены [46, р. 71]. Другое такое селище – «*Săliște Tătărească*» – отмечено при пожаловании пустоши слугам Стефана Великого Доброте и Лупулу в 1502 г. Оно находилось в юго-восточной части страны, судя по всему, примерно в 20 км к северо-западу от современного Комрата [44, р. 499, 586, 628. Nr. 279]. Еще одним пунктом такого рода можно считать «*селиште, где был татар Петир*», зафиксированное в 1468 г. [43, р. 225–227. Nr. 154]. Однако первичная форма

топонима и нахождение в уезде Сучава указывают на то, что это поселение появилось и было заброшено в молдавскую эпоху.

В молдавских документах среди объектов с этнической основой «*татар*» встречаются и гидронимы. Это речки с именем «*Татарка*». В Ясском уезде в 1438 г. называется пасека «*на усти Татаркы*» [42, р. 254–256. №. 180]. В грамоте Стефана Великого конца XV в. говорится, что продано «*селиште на Тутове, на име Иванча отъ Татарки*» в округе города Бырлада [44, р. 279–283, 599. №. 151]. В 1493 г. при разграничении земель в Ясском уезде упомянут пруд «*Тэтэраш*» [44, р. 250–251. №. 128]. Впрочем, имея дело с «этническими гидронимами», совсем нельзя исключать их иносказательный смысл, например отражающий нрав водного потока.

Тем не менее, к эпохе Золотой Орды относят и тюркские гидронимы, которые обозначают крупные озера при дельте Дуная, а также впадающие в них одноименные речки – в юго-западной части современных Молдова и Украины. *Ялуг* (или *Ялух*) – современное название самого большого озера Украины впервые отмечено в виде *Лр* в молдавской грамоте от 20 февраля 1445 г., которая сохранилась в немецком переводе со славянского оригинала [42, р. 357. №. 253]. Его происхождение связывается с древнетюркским *jalbī* со значением «плоский» [14, с. 62]. Гидроним, известный теперь как *Кагул* (или *Кахул*), в грамотах 1502–1503 гг. приведен в форме *Сahov* [44, р. 503, 506. №. 282, 284]. Это наименование предложено переводить близкими по смыслу понятиями: «трясина, топь, болото, грязь» [14, р. 63].

К ним можно добавить название еще одного крупного водоема Придунавья – озера «*Катлабух*» (вариант: «*Катлабуга*»). Его происхождение убедительно объясняется двухкомпонентным антропонимом Кутлуг-Буга [14, р. 63] со значением «счастливый бык» [9, р. 159]. Такое имя носил известный полководец Золотой Орды, который был хорошо известен белорусско-литовским летописцам. Осенью 1362 г. «*князь великий Ольгерд, собрав силы свои литовские, пошел и побил татар на Синих водах, трех братьев, Хачибя, Кутлугу и Дмитрия. А те три брата в Орде правили и были отчичами и дедичами Подольской земли, и от них на Подолиши были назначены атаманы, которые ведали всеми доходами, и к ним приезжали татарские баскаки и, забирая у тех аманов дань, отвозили в Орду*» [26, р. 43–44, 139; 27, р. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228]. В литературе не раз говорилось об отражении двух из трех имен этих представителей татарской знати в гидронимии Северо-Западного Причерноморья. Речь идет о названной озере находящемся восточнее Одессы Хаджибеевском лимане. Интересно, что замок Кочубей на черноморском берегу (*Caczibieow in litrole maris sita*) зафиксирован литовский грамотой 1442 г., а по данным Длугоша существовал уже в 1415 г. [12, р. 58–59, 607–608]. Другое имя встречается в молдавских источниках, в том числе в так называемой Бистрицкой летописи, которая

указывает, что в декабре 1485 г. Стефан Великий победил турок в сражении «у Кътльбуги» [34, р. 30]. Эти обстоятельства делают вполне обоснованным предположение, что юрт Хачибей находился к востоку от Днестра, а Кутлубуги – в приморских степях между Днестром и низовьями Дуная.

В молдавском переводе грамоты 1502 г. назван гидроним Когильник – *Cogîlnic* [44, р. 484. Nr. 27]. В наше время в Молдове известны две речки с этим именем: одна в центральной части республики является левым притоком Реута; другая, более значительная, впадает в черноморских лиман Сасик. Однако явно тюркское по происхождению название обоих рек однозначной трактовки не имеет [15, с. 87]. Сохраняет до сих пор свое название правый приток Днестра, река *Бык*, которая впервые упоминается в уже названной грамоте 1436 г. [42, р. 218–220. Nr. 158]. Очевидно, ее наименование является переосмыслением тюркского слова *büyük* «большой» [15, с. 82]. Именно ему обязано своим названием возникшее тут село *Буюканы* (или *Боюкань*) – теперь это район Кишинева [23, с. 261].

По всей видимости, именно с золотоордынской историей края связан широко известный топоним «Кишинев», о котором до сих пор в историографии единое толкование также не сложилось. Впервые в молдавском актовом материале объект с таким названием значится среди имений логофета Ванчи в уже упомянутой грамоте 1436 г. – «*близь Быку, по той стороне, на долину што падаеть, против Акбашева Кешенева, у Кръници где есть Татарская селишта, против леска*» [42, р. 218. Nr. 158; 21, с. 77]. Описание этого района встречается и в более поздних документах, которые представляют интерес в связи с развитием первоначальных форм топонимов раннего текста. Хронологически за процитированной следует грамота Стефана Великого 1466 г., дошедшая до нас в переводе первой половины XVIII в. От цитируемого пассажа 1436 г. в ней осталась видоизмененная короткая фраза: *la Chişinău, la Fîntîna Albişoara* [42, р. 187. Nr. 131] – «у Кишинэу, у колодца Албишоара». Любопытно, что оригинал более поздней подтверждающей грамоты, выданной в 1517 г. Стефаном IV Младым вистернику (казначею) Еремии, дает куда более полные сведения. В документе называется село «*по той стороны Быка, против Албашева лазня, у Великой Кръници*» [21, с. 233]. Грамота того же господаря 1525 г. была выдана на «*половина село, по той стороны Бъка, против Албашеву лазню, у Великой Кръници, вышня половина, и со ставом и с млином на Бъце*» [21, с. 256]. Между тем господарские грамоты 1576 и в 1615 гг. упоминают «*едно село на име Кишинеул на Бъку у волост Лапушною и с млини у Бъку*» и «*едно село на име Кишинеул на Бъку в волост Лапушной*» [20, с. 89. Nr 34; 22, с. 119].

Итак, самое раннее описание содержит наибольшее число географических ориентиров и является единственным сообщением, поз-

воляющим состыковать молдавский период истории края с ордынским. Со временем информативность характеристики данной местности в однородных документах господарской канцелярии постоянно убывала, а до сего дня дожили только два названия: «Бык» и «Кишинев». При этом отраженные документально топонимические реалии хронологически соответствовали моментам составления грамот. Исключением является акт 1466 г., сохранившийся в переводе XVIII в. со славянского на молдавский язык.

Соблазн дать историческое толкование топонимического описания района современного города Кишинева в XIV–XV вв. не раз привлекала многих авторов. Впрочем, их усилия сосредотачивались главным образом на происхождении и значении названия современной молдавской столицы [3, с. 94–96; 13, с. 6–7; 15, с. 56, 86; 28, п. 60; 37, с. 13–14]. Мне представлялось целесообразным проанализировать всю информацию, касающуюся этого места, на основании содержания грамот 1436, 1466, 1517, 1525 гг. По сути дела, в этих документах история оставила для исследователей следы из локографических фактов, составляющих своеобразную эволюционную цепочку длиной в 90 лет. Предстояло определить, о каких объектах идет речь, каковы пространственные связи между ними, что они обозначали, каким образом изменялись их названия и почему [31, с. 52–57].

Грамота сыновей Александра Доброго 1436 г. называет несколько объектов, отмечающих местоположение владения логофета Ванчи у реки Бык. По всей видимости, оно находилось на левом берегу реки. В анализируемом тексте сказано ясно – *«по той стороне, на долину што падает»*, то есть открывается по направлению к реке, меж холмов, на одном из которых в советское время был возведен комплекс зданий цирка. Выход к Быку этой долины, перекрытый сравнительно недавно насыпной дорогой, обозначен ориентирами рукотворного происхождения – *«против Акбашева Кешенева, у Кръници»*. Из контекста разбираемого отрывка можно понять, что *«Акбашев Кешенев»* – наиболее загадочный объект описания – располагался на правом берегу, напротив того места, где слева к реке «падала» долина. Выходит, что упомянутую *«Кръницу»* (колодец) следует искать на левой стороне, поскольку возле нее заканчивалась долина. Местонахождение колодца, кажется, может быть уточнено по отрывку текста, который помещает его там, *«где есть Татарская селишта»* – заброшенное ордынское селение. Судя по обычной топографии памятников с «красно-желтой ленточной керамикой», его целесообразно помещать где-то на склоне холма, у вершины которого теперь находится церковь Св. Константина и Елены. Наконец, обстоятельство *«противь леска»* удастся удовлетворительно соотнести с местонахождением селища. По всей видимости, они находились на противоположных холмах, причем запустевшее татарское селение располагалось на мысу между рекой Бык и открывающейся к ней

слева долине. Локализация ордынского селища будет оставаться спорной до тех пор, пока либо подтвердится, либо окажется несостоятельной, прежде всего с позиций археологов. Тем не менее, предложенная интерпретация претендует на истинность местоположения других объектов, важных для понимания топонимической картины, а также анализа высказанных в литературе суждений.

Оставив пока в стороне грамоту 1466 г., стоит обратить внимание на документы 1517 и 1525 гг. Хотя их топонимическое содержание отличается от предыдущего, основные объекты-ориентиры 1436 г. узнаваемы. Часть «*по той стороны Быка*» имеет практически неизменный вид. Вместо раннего «*против Акбашева Кешенева*» читается «*против Албашева лазня*» и «*против Албашеву лазню*», а вместо «*у Кръници*» – «*у Великой Кръници*». Играющие центральные роли в локализации владения предлоги пространственного значения и указательное местоимение «*той*» не деформированы. Это объясняется тем, что они долго служили опорными показателями местоположения имения, и подтверждает правильность предложенного размещения объектов.

Гораздо сложнее понять перевод XVIII в. Вероятно, толмач-составитель слабо представлял положение владения XV в., а точность в передаче формы наименований и связи слов в описании оказались для него делом второстепенным. Можно предположить: для переводчика, осмыслявшего топографию почти трехсотлетней давности в соответствии с понятиями своего времени, главным фиксирующим обстоятельством места было название «*Кишинеул*», единственное, кроме наименования «*Бык*», дожившее до нового времени. К тому же топоним *Albișoara* едва ли существовал в обиходе современников переводчика. Скорее всего, он сконструировал его сам при передаче содержания грамоты XV в. на молдавском языке.

Действительно, сопоставление фразы *la fintîna* с подобными из подлинников 1436, 1517 и 1525 гг. дает основания думать, что топоним перевода возник искусственно вследствие искажения оригинального текста 1466 г. В трех других грамотах определения, от которых происходит позднейшее *Albișoara*, не относятся к колодцу. Они говорят о двух различных объектах, один из которых «*Акбашев Кешенев*» или в первой четверти XVI в. «*Албашева лазня*», а другой – «*Кръница*» или «*Великая Кръница*». Очевидно, взяв из одного названия определение «*Албашева*», а из следующего за ним в порядке перечисления – наименование самого объекта – «*Кръница*», переводчик XVIII в. и получил новую смысловую конструкцию. В результате вместо фразы типа «*против Акбашева Кешенева, у Кръници*» (документ 1436 г.) появилась другая – *la Chișinău, la Fintîna Albișoara*, в которой определение от первого объекта переключалось ко второму. Вместе с тем, из перевода грамоты 1466 г. следует, что во время составления утерянного подлинника в употреблении уже

вошло новое определение «Кишинева» – не «Акбашев», а «Албашев», зафиксированное в 1517 и 1535 гг. Исходя из изложенных соображений, фраза из переведенной в XVIII в. грамоты Стефана III Великого реконструируется как «у Албашева Кешенева, у Кръници». Хотя документ был искажен поздним переводом, сохранились наименования двух главных топографических привязок владения XV в. – «Албашев Кешенев» и «Кръниция». Пространственное отношение между ними не прослеживается, но оно, надо полагать, оставалось неизменным в 1436–1525 гг.

В связи с колодцем на левом берегу особых затруднений не возникает. По всей вероятности, эта «кръниция» в 1436 и 1466 гг. была единственной в данной местности. К 1517 г. старая «кръниция» стала называться «Великой», очевидно, потому что появилась необходимость отличать ее от сооруженных позднее не столь больших колодцев.

Топоним «Акбашев Кешенев», связываемый мной с правым берегом реки, многократно находился в центре дискуссий исследователей. Известно несколько этимологических толкований наименования «Кишинева». Наиболее распространенной по-прежнему является точка зрения, возводящая этот топоним к гипотетическому, ныне не существующему старомолдавскому слову со значением «артезианский колодец; родник, источник», которое, в свою очередь, ведет к латинской основе *pissare* [3, с. 94–95].

В другой трактовке топонимы типа «Кишинева», «Кишеньки» достаточно уверенно связывались с названиями «древних захоронений – в виде мавзолеев, памятников и надгробий», а термин «Акбашев» переводится с тюркского как «белоголовый» или «беловехий» [37, с. 221–224]. Такие гробницы ордынской эпохи известны по археологическим исследованиям и в Молдавии [38, с. 45–53]. Однако погребальные комплексы, как правило, не сооружались в низменных местах на берегах рек.

Имея в распоряжении наименования одного топообъекта в четыре разных момента времени – «Акбашев Кешенев», 1446 г.; «Албашев Кешенев» (?), 1466 г.; «Албашева лазня», 1517 и 1525 гг. – нельзя не видеть, что оба автора правы в некоторых частностях. Не ошибался Г.Ф. Богач, говоривший о бане – «лазне», фигурирующей в грамотах первой четверти XVI в. Однако В.Г. Фоменко прав в том, что «Акбашев» или «Албашев» – вовсе не фамилия «предпринимателя», а определение со значением «белоголовый». В самом деле, слово «лазня» имеется во многих славянских языках и, в частности украинском, влияние которого улавливается в молдавских грамотах [10, с. 5, 120 etc.]. «Акбаши» по-тюркски означает «Белая голова», но это скорее прозвище, чем имя [9, с. 122, 133]. Однако для понимания развития названия недостаточно знать значение первой части топонимической пары в самом раннем временном срезе, а второй – в последних. Осо-

бенно важно разобраться в том, каковы механизмы и смысловая сущность превращения «Акбаши» в «Албаши», «Кешенев» в «Лазня».

Смена одной буквы «к» на «л» можно было бы отнести за счет случайностей, если не обращать внимания на грамоту от 30 ноября 1436 г. В ее тексте среди перечисленных обитателей татарского села Темишешти в устье реки Нямц один холоп-татарин носит имя «Албаши» [42, р. 229. Nr. 164]. Несомненно, молдавская среда оказывала влияние на живших в новых социально-политических условиях потомков ордынцев, что отразилось и на их именах. Большинство татар носило не просто христианские, но часто и молдавские имена – «Оанчул», «Годер», «Тома», «Штефан», хотя у некоторых людей сохранились татарские – «Тула», «Мамай» [42, р. 109, 229, 322. Nr. 75, 164, 229]. Представляется, что тюркское «Акбаши» могло быть некоторым образом переосмыслено молдавским населением, которое, сохраняя в тюркоязычной среде свой язык, понимало и татарские наречия. В этом случае часть имени или прозвища «Ак» со значением «белый» была заменена отчасти созвучным эквивалентом «Алб» (alb), тогда как вторая часть – «баш» – осталась в неизменном виде. Таким образом, после частичного перевода возникла промежуточная форма «Алб баш», из-за естественной контаминации оказавшихся рядом двух «б» принявшая близкий к первоначальному вариант звучания: «Албаш». Разрабатывая этот вопрос, я полагал, что «семантическое тождество «лазни» XVI в. с «кешеневом» XV в. доказать сложнее, хотя оно вероятно» [32, с. 379–407].

Между тем, «Кешенев» на реке Бык – был далеко не единственным в средневековой Молдавии. Так в грамоте от 6 июня 1455 г. Петра Арона утвердил имение монастырю Быстрица – реку «Ботна, и со всеми озерами, и гырлами и озерками, и от Червленого Кешенева до дил Загорни, а выше Нистром и пониже... и два брода, с мытом и посуху, и по воде» [43, р. 64. Nr. 46]. Об этом же владении сказано в грамоте, оформленной от имени Стефана Великого 7 апреля 1458 г. [43, р. 101. Nr. 69].

В том же районе, недалеко от места впадения Ботны в Днестр – «у езера Загорнеи», 1 марта 1456 г. господарь подтвердил и монастырю Нямц «дание родители нашего», Александра Доброго. При этом были очерчены границы земельного владения: «Долу Нистром, от Кишина долу до устие Загорнеи ... и три брода на Днестре: Хавороне и Коравька и на устье Загорнеи...» [43, р. 83. Nr. 57]. По всей видимости, здесь побывал в 1419 г. направлявшийся в Святые места православный монах Зосима. Вот как паломник описал переправу через литовско-молдавскую границу: «Обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; тутю бяше перевоз и порубежье волоское». Согласно замечанию автору, указанный пункт находился в трех днях пути от расположенного ниже по течению Днестра Белгород – современного Белгород-Днестровского [36,

с. 121/299]. Высказано мнение, что названная переправа действовала у Бендер или даже Сорок [2, с. 11–19]. В результате недавних археологических исследований у села Тарасова появились основания помещать этот пункт между ними, несколько выше города Резина [5, с. 199–215; 33, с. 164–198].

Интересно, что 22 марта 1535 г. «Томша пръкалаб от Чобръчи-оу» получил за верную службу от Петр Рареша «едно место от пустоши, на Ботнои, межи Добра и межи Оале, где ест Велики Кешенев, да осадит себе село» [22, с. 269. № 85]. Как видно, при выделении пустоши для основания села коменданту молдавской крепостцы на Днестре (ныне село Чобручи южнее Бендер) в качестве ориентира составители грамот вновь использовали наименование находившегося у Ботны хорошо заметного объекта.

Ясно, что в приведенных текстах говорится о возведенных на сравнительно небольшой территории вблизи слияния Ботны с Днестром нескольких сооружений одного типа. Именно поэтому их полные названия не идентичны (*Червлёный Кешенев – Кишина – Митиревы Кишины – Велики Кешенев*), да и названные в грамотах землевладельцы – совершенно разные. Особенно интересным представляется топоним «*Митиревы Кишины*». Если их следует понимать как «Дмитриевы», тогда владения сражавшегося с великим князем Ольгердом на Синих Водах в 1362 г. третьего ордынского вождя (он же *domini Demetrii* в 1368 г.) простиралась от Дуная до Днестра, севернее от улуса Кутлубуги [30, с. 389].

Еще об одной географической точке с «Кишиновом» говорится в грамоте господаря Еремии Могилы, выданной 11 августа 1603 г. жене логофета Иоанна Голии Анне на имение в районе пещер на реке Реут (молд. *Рэут*). В сохранившемся в славянском подлиннике документе называется «...место на конец пещерам, више Стараго Орхей, где упадет дороха стараа у Урхей у Ръвте у брод повише Кишенеу, под стинку...» [20, с. 197. № 84]. Названный «*Кишенеу*» находился в границах хорошо изученного золотоордынского городища XIV в. [1], на котором в 1470–1499 гг. существовала молдавская крепость «Орхей» [6, с. 82–86]. Показательно, что ее название прямо сопоставляют с тюркско-монгольским «*örgé*» в значении «ставка правителя» [14, с. 54; 28, п. 60].

Между тем на левом берегу реки Реут в урочище «Пештере» (Старый Орхей) жителям села Требужень до настоящего времени известен бьющий из-под скалы источник питьевой воды, издавна окруженный почитанием местного населения он зовется «*Кишинэу*» [6, с. 41. Рис 1: 7]. Над родником, на расстоянии нескольких метров стекающим в реку, из пиленого камня возведено сооружение площадью около 10 кв. м с куполообразным верхом. Вход в него устроен в виде арки, а по обе стороны от нее оформлены подобного же рода два арочных окошка. Над входом начертаны кресты. Внутри поме-

щения находятся два большие вытесанные из цельных камней корыта, к сожалению, теперь разбитые. Кстати, совсем недалеко на противоположном берегу исследованы остатки больших бань, датированных третьей четвертью XIV в. [7, с. 4–27].

Итак, в центре Пруто-Днестровского междуречья отмечен целый ряд топонимов типа «Кишинев», которые локализуются в нижней части течения правых притоков Днестра – Реута, Быка и Ботны, в основном совпадая с ареалом археологических памятников золотоордынского времени [25. Рис. 3]. Вместе с тем, интерпретация истории молдавских «Кишиневов» оказывается затрудненной.

Невозможно игнорировать практически буквальное совпадение этого наименования со словом иранского происхождения «Кэшэнэ», то есть «дом мертвых». Так называли мавзолеи – архитектурные сооружения из камня или кирпича над могилами знатных людей в средневековых исламских странах. Считается, что обязательным строительным элементом таких усыпальниц был купольно-сводчатый потолок. На востоке они были массово распространены вплоть до Средней Азии, Казахстана и Южного Урала [18]. В Челябинской области зафиксирован вариант названия мусульманских гробниц – «Кесене» [4]. Как «Кешене» или «Кешенле» склепы широко известны и в Кабардино-Балкарии, в частности в Чегемском ущелье [24]. Эпитафия в честь Хусейнбека позволила датировать его захоронение в мавзолее у поселка Чишмы в Башкирии 1339 г. – 740 г.х. [8, с. 29–30].

Однако давно обращено внимание на распространение подобных мемориальных построек и в более западных областях. Например, послание крымского хана польскому королю Сигизмунду-Августу середины XVI в. говорит, что *«которые в рочища есть по Богу реце и по Синей Воде»* некогда являлись кочевьями Батыя, Узбека и Джанибека. При этом автор ссылался на зримые материальные доказательства – мавзолеи: *«и до сих часов у тех кошнях есть похованы и тепер тые кешени стоят»* [39, с. 48].

Мартин Броневский, посол короля Стефана Батория, в 1578 г. прибыл к хану Мухаммеду Гирею и прожил в Крыму почти год. В 1595 г. он издал описание своего путешествия. В нем названы каменный мост и баня на Буге, а также добавлено: *«Там же видны каменные развалины, склепы и гробницы, которые, говорят, принадлежали туркам или татарам и обыкновенно называются цессени, то есть памятники»*. Другое подобное сооружение он называет двусоставным словом *«Церцицессения»*, или же *«Гетрицессения»* и поясняет, что *«это гробница какого-то богатого купца турецкого или татарского; она построена из гладкого тесаного камня и очень богато украшена, по магометанскому обычаю; путешественники и теперь еще могут ее видеть»* [19, с. 333–334]. Учитывая обычный переход латинского «ц» в «к» (в тексте употребляется *«Церменцук»*

вместо «Кременчук»), в данном случае мавзолеей также назывался «киссения», либо «кишения».

Тем не менее, в молдавских условиях очевидна связь «Кишинев» с источниками воды и банями, вплоть до семантического слияния понятий! В попытке разрешить это противоречие исследователи на примерах из разных языков открыли более широкое значение этой персидской по происхождению лексемы. Обобщив данные, Э.М. Мурзаев показал, что на огромной исторически связанной с тюрками территории можно обнаружить слова, обозначающие как склеп, так и жилище. Он приводит мнение И.В. Дрона о том, что в некоторых молдавских говорах XX в. «кишинэу» подразумевало пристанище, место, временного приюта, убежище. При этом добавляет: по-турецки *kasane* – «гнездышко, уютный уголок, роскошный дом, дворец» [23, с. 260–261]. Замечу и аналогию с болгарским «кѣща» – дом, но в переносном значении и могила.

Вполне возможно, общее происхождение с названием «Кишинев» имеет и находящийся на Ботне город «Каушаны» (молд. «Кэушень»), известный в XVIII в. как столица татар Буджака [11, с. 49–50]. Более того, таковым оказывается древнее двусоставное название Бендер – «Тягянякчу», впервые в такой форме использованное в льготной грамоте господаря Александра Доброго львовских купцам 1408 г. В документе этот пункт трижды называется как место оплаты таможенной пошлины теми торговцами, «што идут до Татар» [16, с. 40–41. № 1]. Г.О. Аствацатуров толкует вторую часть топонима – «кечу» как родственное словам «кечин», «кошун», «каша» и др. Среди большого количества значений, найденных им в словаре В.В. Радлова, привлекает внимание «забор из прутьев, баня» [2, с. 26].

В этой связи показательны, на мой взгляд, топография «кэшэнэ Хусейнбека» в Башкортостане и его история. Увенчанное сферическим куполом квадратное строение мавзолея возвышается в центре кладбища Акзиарат на окраине поселка Чишмы, что юго-западнее Уфы. «У подножия террасы, занятой некрополем, находится озеро – старица реки Дёмы. Еще в начале XX века на склоне бил родник, ныне заросший. Акзиарат – по-башкирски белое (святое) кладбище – в XIX и начале нашего века посещали многочисленные мусульманские паломники, совершавшие в «божественном» ручье омовения» [8, с. 29]. Величественные мусульманские гробницы становились местами поклонения и убежищами для единоверцев, а реки и ручьи при них были местом обязательных ритуальных омовений, окружались святостью и также облагораживались.

* * *

Подводя некоторые итоги, хотел бы подчеркнуть многообразие золотоордынских реликтов в молдавской действительности эпохи средневековья. Системное изучение под этим углом зрения содержа-

ния сотен сохранившихся памятников дипломатики, могло бы позволить создать солидную базу данных для реконструкции предшествующей эпохи. Разумеется, это под силу скорее коллективу авторов, чем исследователям-одиночкам. Вместе с тем представляется, что пример эволюции топонима «Кишинев» в продолжительном времени и на обширном пространстве особенно ясно показывает перспективность такого осмысления однородной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абызова Е.Н., Бырня П.П., Худельман А.А.* Древности Старого Орехя. Золотоордынский период. Кишинев, 1981.
2. *Аствацатуров Г.* Бендерская крепость. Бендеры, 1997.
3. *Богач Г.Ф.* Заметки по молдавской топонимике и ономастике // Известия Молдавского филиала АН СССР (за 1957 г). № 12 (45). 1959. С. 94–96.
4. *Боталов С.Г.* Кэшэнэ (Кесене) // Уральская историческая энциклопедия. Электронный ресурс: <http://ural.academic.ru/1110/Кэшэнэ>
5. *Бурян А.Н., Дергачева Л.В., Рабинович Р.А., Тельнов Н.П.* Первые археологические исследования на поселении Тарасова (Молдова) // *Stratum plus*. 2005–2009. № 5. С. 199–215.
6. *Бырня П.П.* Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев, 1984.
7. *Бырня П.П., Зиливинская Э.Д.* Бани Старого Орехя // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988. С. 4–27.
8. *Гарустович Г.* Мавзолей в Чишмах // Памятники Отечества. 1997. № 38. С. 29–30.
9. *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрок. Словарь. М., 1987.
10. Грамоти XIV ст. Київ, 1974.
11. *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев, 2011.
12. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. VI. Київ, 1995.
13. *Дмитриев П.Г., Драгнев Д.М.* К вопросу о происхождения названия города Кишинева и первых упоминаниях о нем // Тезисы докладов II конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1960. С. 6–7.
14. *Дрон И.В.* Гагаузские географические названия (территория Пруто-Днестровского междуречья). Кишинев, 1992.
15. *Еремия А.И.* Географические названия рассказывают. Кишинев, 1982.
16. Исторические связи народов СССР и Румынии XV–XVIII вв. Т. I. М., 1965.
17. История Молдавской ССР. Кишинев, 1965.
18. *Мажитов Н.А.* Кэшэнэ // Электронный ресурс: <http://www-old.bashedu.ru/encikl/kkk/keshene.htm>
19. Мартин Броневский. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 333–334.

20. Молдавия в эпоху феодализма. Т. II. Кишинев, 1961.
21. Молдавия в эпоху феодализма. Т. I. Кишинев, 1978.
22. Молдавия в эпоху феодализма. Т. III. Кишинев, 1982.
23. *Мурзаев Э.М.* Слово на карте. Топонимика и география. М., 2001.
24. *Мусукаев Б.Х.* Термины духовной культуры в основе балкарских топонимов // Вестник Дагестанского научного центра. Электронный ресурс: <http://www.dncran.ru/vestnik/musukaev.htm>
25. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 32. М., 1975.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980.
28. *Раевский Н.* Топониме де орижине ираникэ ши турчикэ // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1964. № 1. П. 56–60.
29. *Руссев Н.Д.* Кишинев в молдавских грамотах XV–XVI вв. // *Revista de istorie a Moldovei / Молдавский исторический журнал.* 1995. № 2. С. 52–57.
30. *Руссев Н.Д.* Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // *Stratum plus.* 1999. № 5. С. 379–407.
31. *Руссев Н.Д.* Молдавские монеты конца XIV – первой трети XV вв. (особенности распространения) // *Stratum plus.* 2000. № 6.
32. *Руссев Н.Д.* Татары молдавских грамот XV века: краткий обзор проблематики // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве XV–XVI вв.). Тезисы. Симферополь, 2013. С. 108–111.
33. *Рябцева С.С., Чокану М.М.* Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции) // *Stratum plus.* 2005–2009. № 5. С. 164–198.
34. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976.
35. *Советов П.В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Том I: Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв. Кишинев, 1972.
36. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестины // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 121/299.
37. *Фоменко В.Г.* Еще о топониме «Кишинев» // *Ономастика.* М., 1969. С. 221–224.
38. *Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // *Известия Молдавского филиала АН СССР.* 1960. № 4 (70). С. 45–53.
39. *Шабильдо Ф.М.* Галицко-Волынское княжество и Тырновская Болгария на пути к политическому сотрудничеству в начале // *Культурные и общественные связи Украины со странами Европы.* Киев, 1990. С. 48–64.
40. *Balard M.* Genes et l’Outre-Mer. Т. 2. Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360. Paris, 1980.
41. *Ciociltan V.* «Către părțile tătărești» din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrîn // *Anuarul Institutului de istorie și arheologie “A.D. Xenopol”.* Iași, 1987. Т. XXIV. Р. 349–355.
42. *Documenta Romaniae Historica.* A. Moldova. Vol. I. București, 1975.
43. *Documenta Romaniae Historica.* A. Moldova. Vol. II. București, 1976.
44. *Documenta Romaniae Historica.* A. Moldova. Vol. III. București, 1980.

45. Documenta Romaniae Historica. D. Relații între țările române. Vol. I. București, 1977.

46. Eșanu A. Chișinău. File de istorie. Cercetări, documente, materiale. Chișinău, 1998.

47. Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). Bordighera, 1971.

48. Stînga I. Contribuții privind circulația monedelor moldovenești în Țara Românească // Buletinul societății numismatice române. București, 1992. Anii LXXX–LXXXV (1986–1991). No. 134–139. PP. 133–136.

Сведения об авторе: Николай Дмитриевич Руссев – преподаватель университета «Высшая Антропологическая Школа», доктор исторических наук (MD 2024, ул. Зимбрулуй, 10А, Кишинев, Республика Молдова); nrussev@mail.ru

THE GOLDEN HORDE RELICS IN THE CHARTERS OF MEDIEVAL MOLDAVIA: GENERAL SKETCH OF THE CASE “KISHINEV”

N.D. Russev

(High Anthropological School, Kishinev, Moldova)

Researchers are well aware that a part of the Moldovan lands belonged to the Golden Horde. But this period is still not sufficiently studied due to the lack of information, especially in written sources. The author of this article has attempted to expand the source base of the investigated issue by compiling information about the “Tatars” from the medieval charters of Moldova. The author demonstrates that the systematic study of the contents of hundreds of surviving diplomatic monuments enables a more complete reconstruction of local realities during the Golden Horde era. In particular, we can localize individual uluses of the Jochid leaders and find out the direction of the main trends of migration and social transformation of the “Tatars” in the socio-political conditions of the Moldovan statehood. An analysis of the place names such as “Kishinev”, mentioned in charters, sheds light on the nature of the adaptation of the surviving population at the right-bank of the Dniester region under the authority of the Moldavian rulers at the end of the 14th–15th centuries

Keywords: Tatars, Tatar countries, Moldovan charters, Byk, Kishinev, Old Orhei, Teghenechiciu, Kutlubuga, Demetrius.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Byrnya P.P., Nudel'man A.A. *Drevnosti Starogo Orkheya. Zolotoordynskiy period* [Antiquities of Old Orhei. The Golden Horde Period]. Kishinev, 1981.

2. Astvatsaturov G. *Benderskaya krepost'* [The Bender's Fortress]. Bendery, 1997.
3. Bogach G.F. Zametki po moldavskoy toponimike i onomastike [Notes on the Moldovan Toponymics and Onomastics]. *Izvestiya Moldavskogo filiala AN SSSR (za 1957 g)* [Proceedings of the Moldavian Branch of the AS USSR (for 1957)], no. 12 (45). 1959, pp. 94–96.
4. Botalov S.G. Keshene (Kesene) [Keshene (Kesene)]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Uralic Historical Encyclopedia]. Available at: <http://ural.academic.ru/1110/%D0%9A%D1%8D%D1%88%D1%8D%D0%BD%D1%8D>
5. Buryan A.N., Dergacheva L.V., Rabinovich R.A., Tel'nov N.P. Pervye arkhelogicheskie issledovaniya na poselenii Tarasova (Moldova) [The First Archaeological Research at the Settlement Tarasova (Moldova)]. *Stratum plus*. 2005–2009, no. 5, pp. 199–215.
6. Byrnya P.P. *Moldavskiy srednevekovyy gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (XV – nachalo XVI v.)* [Moldovan Medieval Town in the Dniester and Prut Interfluve (15th– early 16th centuries)]. Kishinev, 1984.
7. Byrnya P.P., Zilivinskaya E.D. Bani Starogo Orkheya [Bathhouses of Old Orhei]. *Srednevekovye pamyatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ya* [Medieval Monuments of the Dniester and Prut Interfluve]. Kishinev, 1988, pp. 4–27.
8. Garustovich G. Mavzoley v Chishmakh [A Mausoleum in Chishmi]. *Pamyatniki Otechestva* [Monuments of the Fatherland]. 1997, no. 38, pp. 29–30.
9. Gafurov A. Imya i istoriya. *Ob imenakh arabov, persov, tadjikov i tyurok. Slovar'* [The Name and History. The Names of Arabs, Persians, Turks, and Tajiks. Dictionary]. Moscow, 1987.
10. *Gramoti XIV st.* [Charters of the 14th century]. Kiïv, 1974.
11. Grek I.F., Russev N.D. *1812 – povorotnyy god v istorii Budzhaka i «zadunayskikh pereselentsev»* [1812 – a pivotal year in the history of Bugeac and “Transdanubian settlers”]. Kishinev, 2011.
12. Grushevs'kiy M. *Istoriya Ukraini-Rusi* [History of Ukraine-Rus']. Vol. VI. Kiïv, 1995.
13. Dmitriev P.G., Dragnev D.M. K voprosu o proiskhozhdeniya nazvaniya goroda Kishineva i pervykh upominaniyakh o nem [Concerning the Origin of the Name of the Kishinev City and Its First Mentions]. *Tezisy dokladov II konferentsii molodykh uchenykh Moldavii* [Theses of Reports of the II Conference of Young Scientists of Moldova]. Kishinev, 1960, pp. 6–7.
14. Dron I.V. *Gagauzskie geograficheskie nazvaniya (territoriya Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya)* [The Gagauz Geographical Names (the area of the Prut and Dniester interfluve)]. Kishinev, 1992.
15. Eremya A.I. *Geograficheskie nazvaniya rasskazyvayut* [Geographical Names Telling]. Kishinev, 1982.
16. *Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii XV–XVIII vv.* [Historical relations of the peoples of USSR and Romania in the 15th– 18th centuries]. Vol. I. Moscow, 1965.
17. *Istoriya Moldavskoy SSR* [History of Moldavian SSR]. Kishinev, 1965.
18. Mazhitov N.A. *Keshene* [Keshene]. Available at: <http://www-old.bashedu.ru/encikl/kkk/keshene.htm>

19. Martin Bronevskiy. Opisanie Kryma (Tartariae Decriptio) [Description of the Crimea (Tartariae Decriptio)]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities]. 1867, vol. VI, pp. 333–334.

20. *Moldaviya v epokhu feodalizma* [Moldavia in the feudal epoch], vol. II. Kishinev, 1961.

21. *Moldaviya v epokhu feodalizma* [Moldavia in the feudal epoch], vol. I. Kishinev, 1978.

22. *Moldaviya v epokhu feodalizma* [Moldavia in the feudal epoch], vol. III. Kishinev, 1982.

23. Murzaev E.M. *Slovo na karte. Toponimika i geografiya* [The Word on the Map. Toponymics and Geography]. Moscow, 2001.

24. Musukaev B.Kh. *Terminy dukhovnoy kul'tury v osnove balkarskikh toponimov* [Terms of Spiritual Culture at the Base of the Balkar Toponyms]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. Available at: <http://www.dncran.ru/vestnik/musukaev.htm>

25. Polevoy L.L. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv.* [Essays on political geography of Moldavia in the 13th–15th centuries]. Kishinev, 1979.

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of the Russian Chronicles]. Vol. 32. Moscow, 1975.

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of the Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow, 1980.

28. Raevskiy N. Toponime de orizhine iranike shi turchike. *Limba shi literatura moldovenyaske*. 1964, no. 1, pp. 56–60.

29. Russev N.D. Kishinev v moldavskikh gramotakh XV–XVI vv. [Kishinev in the Moldavian Charters of the 15th–16th centuries]. *Revista de istorie a Moldovei. Moldavskiy istoricheskiy zhurnal* [Moldovan historical journal], 1995, no. 2, pp. 52–57.

30. Russev N.D. *Moldaviya v «temnye veka»: materialy k osmysleniyu kul'turno-istoricheskikh protsessov* [Moldavia in the «Dark Ages»: Materials for Understanding Cultural and Historical Processes]. *Stratum plus*. 1999, no. 5, pp. 379–407.

31. Russev N.D. *Moldavskie monety kontsa XIV – pervoy trety XV vv. (osobennosti rasprostraneniya)* [Moldavian Coins of Late the 14th – first third of 15th cc. (Peculiarities of Distribution)]. *Stratum plus*. 2000. No. 6.

32. Russev N.D. *Tatary moldavskikh gramot XV veka: kratkiy obzor problematiki* [Tatars in the Moldavian Charters of the 15th century: A Brief Overview of the Problems]. *V Mezhdunarodnyy Bolgarskiy forum «Politicheskoe i etnokul'turnoe vzaimodeystvie gosudarstv i narodov v postzoltoordynskom prostranstve XV–XVI vv.* Tezisy [V International Bulgarian Forum “Political and Ethno-cultural Interaction between States and Peoples in the Post-Golden Horde Space of the 15th–16th centuries”. Theses]. Simferopol', 2013, pp. 108–111.

33. Ryabtseva S.S., Chokanu M.M. *Nakhodki srednevekovogo vremeni s posedeniya Tarasova v Moldove (po materialam chastnoy kollektzii)* [Medieval Findings from Tarasova Settlement in Moldova (from a private collection)]. *Stratum plus*. 2005–2009. No. 5, pp. 164–198.

34. *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [The Slavic-Moldavian chronicles of the 15th–16th centuries]. Moscow, 1976.

35. Sovetov P.V. Issledovaniya po istorii feodalizma v Moldavii. Vol. I: *Ocherki istorii zemlevladieniya v XV–XVIII vv.* [Studies on the History of Feudalism in Moldova. Volume I: Essays on the History of Land Ownership in the 15th–18th centuries]. Kishinev, 1972.
36. Khozhenie Zosimy v Tsar'grad, Afon i Palestiny [The Pilgrimage of Zosima in Tsar'grad, Athos, and Palestine]. *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of Pilgrimages. Notes of the Russian Travelers of the 11th–15th centuries]. Moscow, 1984, pp. 121/299.
37. Fomenko V.G. Eshche o toponime «Kishinev» [Else about the Place Name of “Kishinev”]. *Onomastika* [Onomastics]. Moscow, 1969, pp. 221–224.
38. Chebotarenko G.F., Byrnya P.P. Arkheologicheskie raskopki u s. Bravicheny v 1956 godu [Archaeological Excavations near the Village of Bravicena in 1956]. *Izvestiya Moldavskogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Moldavian Branch of AS SSSR]. 1960. No. 4 (70), pp. 45–53.
39. Shabul'do F.M. Galitsko-Volynskoe knyazhestvo i Tynovskaya Bolgariya na puti k politicheskomu sotrudnichestvu v nachale [The Principality of Galicia–Volhynia and Turnovo Bulgaria on the Way to Political Cooperation in the early 14th century]. *Kul'turnye i obshchestvennye svyazi Ukrainy so stranami Evropy* [Ukrainian Cultural and Social Relations with the European Countries]. Kiev, 1990, pp. 48–64.
40. Balard M. Genes et l'Outre-Mer. Vol. 2. Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360. Paris, 1980.
41. Cioacă V. «Către părțile tătărești» din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrîn. Anuarul Institutului de istorie și arheologie “A.D. Xenopol”. Iași, 1987. Vol. XXIV, pp. 349–355.
42. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I. București, 1975.
43. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. II. București, 1976.
44. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. III. București, 1980.
45. Documenta Romaniae Historica. D. Relații între țările române. Vol. I. București, 1977.
46. Eșanu A. Chișinău. File de istorie. Cercetări, documente, materiale. Chișinău, 1998.
47. Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). Bordighera, 1971.
48. Stînga I. Contribuții privind circulația monedelor moldovenești în Țara Românească // Buletinul societății numismatice române. București, 1992. Anii LXXX–LXXXV (1986–1991). No. 134–139, pp. 133–136.

About the author: Nikolay Dmitrievich Russev – Lecturer, University “High Anthropological School”, Dr. Sci. (History), (MD 2024, Zimbruluy st., 10 A, Kishinev, Moldova); nrussev@mail.ru